

только один раз, может оказаться гораздо более «ключевым», гораздо более весомым, чем слово, двадцать раз употребленное автором.

Сказанное не означает, что статистические исследования вообще невозможны в области филологии, но приведенные соображения лишней раз свидетельствуют, что роль подобных разысканий может иметь лишь вспомогательное значение.

8

Наша эпоха — эпоха содружества наук. Это бесспорно. И филология не исключение, она находится в подобном содружестве. Вместе с тем разделение наук на физико-математические, науки о природе и науки об обществе сохраняет всю свою силу. И здесь нет никакого противоречия: взаимодействие наук не лишает и не должно лишать специфики каждую науку. В. И. Ленин был глубоко прав, когда, конспектируя одну из книг Гегеля, заметил: «... метод философии должен быть ее собственный (*не математики...*)»³⁹. Действительно, по меньшей мере наивно считать, что с помощью одной науки, какой бы точной она ни представлялась, можно решить все сложнейшие вопросы другой науки, часто имеющей дело с совершенно другим объектом. Науки помогают друг другу, но не заменяют и не вытесняют друг друга. То же следует сказать и о методах разных наук.

В 1842 г. В. Г. Белинский в статье о Баратынском писал: «Человеческое знание состоит не из одной математики и технологии, оно прилагается не к одним железным дорогам и машинам... Напротив, это только одна сторона знания, это еще только низшее знание... Высшее охватывает собою мир нравственный, заключает в область своего ведения все, чем высоко и свято бытие человеческое...»⁴⁰. Эти полные глубокого смысла слова сохраняют все свое значение и в нашу эпоху. В предшествующих строках была сделана попытка показать, что и категория *точности* сохраняет свою специфику в такой области знания, как филология, и что филологическую точность недопустимо отождествлять с точностью математической.

В свое время акад. Л. В. Щерба был, безусловно, прав, когда подчеркивал, что в языке «... ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь... мы присутствуем при эволюции языка»⁴¹. И это глубоко справедливо. То, что «колеблется» в языке, обычно кажется неточным, неуловимым. Но подобные колебания составляют душу любого национального языка, они — свидетельство его развития и совершенствования.

За последние двадцать лет в разных странах были предложены различные рецепты превращения филологии в точную науку. Но в тех случаях, когда подобные рецепты составлялись без учета специфики самой филологии в ее различных областях, подобные рецепты оказывались обычно бесполезными и не оказывали влияния на дальнейшее развитие самой филологии. Только тогда, когда понятие *точности* будет рассматриваться не вообще, а как «точность данной науки», больше того — «точность данной области данной науки», споры вокруг понятия *точности* перестанут быть схоластичными, станут плодотворными.

³⁹ Ленин В. И. Философские тетради. М., 1969, с. 88 (курсив автора).

⁴⁰ Белинский В. Г. Соч. в четырех томах. СПб., 1900, т. 3, с. 16. Ср. замечание Н. С. Грубецкого о том, что фонолог не может и не имеет права пользоваться методом естественных наук, хотя фонология — очень точная наука (Грубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960, с. 18).

⁴¹ Щерба Л. В. Избранные работы по языковедению и фонетике. Л., 1958, с. 35, 36.